

УЧИТЕЛЯ: ИСТОРИЯ¹

Е. Г. Соколов

Мы жили и учились в блаженные осенне-советские времена, что бы ни говорили-писали о той социальной системе и каких бы собак на советскую школу (и высшую и «низшую») не вешали в последующем. И это не только ностальгический всхлип, хотя и он тоже. По улицам городов террористы не бегали, из квартир за неуплату не выселяли, с голоду никто не умирал... Что же касается пресловутого идеологического тотального давления и промывания мозгов, то ведь они и сейчас существуют, хотя и в иных формах. Но так же, как и сейчас, с этими правилами игры вполне можно было ужиться, принять их и делать-говорить то, что хочется, к чему лежит душа. Благо, дело это нехитрое и особого труда не требует. Да и изоляция-отлучение от нежелательных идей-мыслей-книг (пресловутый спецхран) была относительной и носила скорее декларативный характер. Те, кто хотели, всегда могли добыть и прочесть желаемое. И с Библией, и с, например, «Закатом Европы» О. Шпенглера, «Столпом и утверждением Истины» П. А. Флоренского или с «Волей к власти» Ф. Ницше я ознакомился еще в студенчестве, добывая тексты без особых усилий. Ну а «Майн кампф» и сейчас читать не стану.

Любой процесс освоения специальности, рода деятельности, получения знаний так или иначе связан с историей, т. е. с ознакомлением с тем, что, как, почему, исходя из каких принципов и подчиняясь каким гносеологическим (стратегически-тактическим) установ-

¹ Данный очерк – продолжение и отчасти развитие того, что было написано и опубликовано почти 13 лет тому назад (см.: *Соколов Е.Г. Учителя: текст // Vita cogitans*. СПб., №1. 2002. С. 74–82) и вызвало благожелательную реакцию у моих коллег и друзей. Если и на этот раз мои слова будут услышаны и поддержаны с сочувствием, а может быть, даже окажутся полезными в чем-либо, то я продолжу свои размышления о ремесле, они же суть воспоминания о моих университетских учителях.

кам поступали-делали наши предшественники в обстоятельствах ремесла-профессии, как накапливались знания и навыки, наконец, что под таковыми подразумевали. Такова наша с античности (уж во всяком случае с Аристотеля, задавшего тон всепознавательной модели и обозначившего стилистическую манеру научного повествования как такового, оставшегося в своих архитектурных контурах неизменным до сего дня вне зависимости от любых эпистемологических передрыг: перед тем, как говорить самому – непреременный и дотошный перечень мнений предшественников с подробным разбором их достоинств или недостатков) дрящущая гносеологическая традиция. Всеобщая ли она, всечеловеческая или нет, не берусь решать, ибо с другими познавательными опытами знаком плохо. Исходя из этой «привычки» раздел «История науки» (или «История области знания») – неотъемлемая составляющая при обучении в высшей школе. Он может быть не слишком большим по объему (например, у технарей, естественников, медиков-ветеринаров и др.). Но в случае с тем ремеслом, которое я пришел осваивать на философский факультет, она, эта составляющая обучения, должна быть огромной, ибо базовая и принципиальная, и ей должно уделяться самое пристальное, самое въедливое внимание. Таковой она и была в те времена, когда я учился на философском факультете. Что, к сожалению, о сегодняшнем дне сказать не могу. Судите сами. Каждый (подчеркиваю: *каждый*, вне зависимости от специализации, собирается ли он преуспеть в будущем на ниве логики, эстетики, научного атеизма, истмата, диамата¹ и др.) студент должен был в течение 9 семестров пройти общий курс по истории философии: еженедельные лекции и семинары, иной раз по несколько раз. Вот и подсчитайте: 64 часа, по крайней мере, в каждом семестре. Плюс годовой курс по истории русской философии (еще 128 часов). И еще один такой же по величине – по истории марксистско-ленинской философии. Итого получается 832 часа только аудиторных занятий!!!!² Какая дисциплина сегодня может в принципе притязать на такой колоссальный объем в рамках законодательно утвержденного учебного плана? Да никакая. И нигде. Глядя на нынешние программы по философии (запечатленные во всяких там РПУДах-КОУПах), видишь, сколько времени-часов-трудоемкостей отводится изучению истории философии – и ахаешь, и рыдаешь одновременно! Но это, так сказать, только официальный, протокольный, для всех предлагаемый обязательный маршрут. Были в нем и

¹ Названия специальностей привожу в тех формулировках, в каких они были приняты на тот момент. Некоторые из них сегодня под иными титулами, что сущности их все равно не изменило.

² И это притом, что академический час у нас длился не 45 минут, а 50.

особые, предусмотренные для отдельных специализаций (или групп специализаций) ответвления. Например, история этических учений, история эстетики, история атеизма и свободомыслия (т. е., если по сегодняшнему, история взглядов на религию, включающая и историю религиозно-философских концептов) и пр. Все это я также, иногда вольнослушателем с непрерывной сдачей итогового экзамена-зачета, дабы самого себя стимулировать и дисциплинировать, прошел. Разумеется, «частные», узкоспециальные истории философий во многом повторяли и детализировали то, что читалось в рамках базового, многосеместрового, курса. Однако повторение – всегда полезно. Кроме того, многие имена, идеи, и уж точно, источники, оставшиеся в маргинальных отсеках магистральной, как полагали на тот момент (немного с тех пор изменилось, следует признать, она все равно остается гегелевской) линии развития философской мысли, всплывали впервые. От сотворения философического мира (т. е. от семи древнегреческих мудрецов) до... Нет, не до «вчерашней газеты», но до середины XX века. Причина – известна. Она носила как идеологический характер (уж очень все приближено к нам, не «переработано», дискуссионно, потому и подозрительно), так и чисто технический: текстов не было¹. Причем, чем дальше дело отстояло от начала века, тем фрагментарнее, невнятное, растерянное. Все больше – школы, не имена, не работы. Как я понял позднее, для меня это было хорошо, даже благо. Когда позже, уже самостоятельно, пришлось осваивать этот репертуар, повинуясь той или иной производственной надобности, то надо мной не довели мнения или трактовки моих университетских учителей. Что же касается многовековой, до конца XIX века, классики, так ведь она и есть классика, относительно которой радикально взгляд едва ли изменится, ибо именно она и очертила горизонты, а также произвела топографически-топонимическую разметку всей области знания.

В случае же с историей философии – в отличие от любых других дисциплинарных познавательных регионов, где все историческое можно с той или иной оговоркой рассматривать в качестве некоего преддействия ныне происходящих событий и интриг, безусловно, повлиявших и даже определивших контуры последних, но уже и

¹ Впрочем, особо охочие до новейших веяний вполне могли удовлетворить свое любопытство на очень экзотических и тогда, и сейчас вполне допропорядочно-мирных с точки зрения идеологии курсах, как, например, «Критика антикоммунизма» (читал Ю. Н. Солонин) или «Критика немецкой философии религии» (А. Н. Типсина).

устраченных ввиду ветхости и устаревания от активной деятельной процессуальности, – исторические ее, философии, формы-модификации с веками и даже тысячелетиями никуда не исчезают, не отправляются на вечное и бесполезное хранение в запасники, но активно участвуют в продуцировании актуальных жестов и реплик. Они всегда востребованы, бесконечно воспроизводятся в речениях потомков. Не все и не целиком, но в зависимости от априорных для конкретных эпох «условий возможности» и индивидуальных горизонтов говорящего. Таким образом, весь исторический пласт – это активный архив всегда номенклатурных действий, возможностей и самих итоговых дел. Собственно говоря, само тело философии есть совокупность ее исторических форм. В них оно замыкается, посредством их автономизируется, идентифицируется и... исчерпывается. Тем-то и отличается «профессиональный философ» от всевозможных дилетантствующих всуе – а так много желающих предаться «философическому праздному томлению»: этот последний может себе позволить начать разговор на пустом месте, тогда как первый – исключительно «сквозь» призму уже сделанного, реченного, используя артикулированное предшественниками в качестве собственного живого субстрата.

Ибо – самый главный урок, что необходимо усвоить – история философии – это не факт, не дата, не конкретные социокультурные обстоятельства, к которым может быть редуцировано философское речение, хотя соблазн именно в последних искать ему объяснение всегда присутствует, может быть, даже и не человек, но – концепт, что «говорит» не только всей этой феноменально-феноменологической наглядностью, но и самим говорящим. Поэтому принципиального значения не имеет, когда именно, при каких обстоятельствах, чьими устами тот или иной концепт был артикулирован в первый раз. Даже выскажу и крамольную мысль: книги, цельные текстовые массивы, манускрипты, свитки, в коих концепт запечатлен, даже языковая форма его выражения – не более, чем «временная оболочка», что, разумеется, не избавляет от необходимости их знать. Опыт миграции, воспроизведения, позднейшего включения в активный оборот в отсутствии «аутентичных артефактов-свидетельств» многовариантен и далеко не редкость. Среди расхожих примеров: концепты досократиков, да и всей античной философской мысли, что дошла до нас, при этом не оцениваемая нами как фальсификация, подделка, которую можно было бы проигнорировать или исключить вовсе, благодаря десяткам, а то и сотням посредников. Несомненно, конкретные исторические реалии «места и времени» играют роль, причем немалую, впечатываясь в «строй и лад» выражаемого, в его архитектонику и траекторию скольжения по горизонту иного «плана имма-

ненции» (Делез, Гваттари). Однако в общем и целом могут быть детерриторизированы и ретерриторизированы, оторваны и использованы вновь в иных широтах. Причудливость миграционных маршрутов концептуальных «продуктов» в этом смысле показательна: Древняя Греция или Древний Рим, средневековая арабская мысль, вновь миграция в Европу либо через Византию в русский мир. То, что сегодня представлено в соответствующем разделе общей истории философии (магистральной ее версии), собиралось в единый корпус канонических имен и текстов из очень отдельных фрагментов, что дошли до нас благодаря работе различных эпох, культур и культурно-символически-языковых априори.

И еще один благодатный, ибо вырабатывает иммунитет против любых деклараций «абсолютной истины», момент, который с неизбежностью осознается в процессе знакомства с историей философии. Различные философские концепты-системы-авторы не конкурируют друг с другом. Не бывает правых, правильных, передовых, верных, приоритетных, наиболее адекватных и пр. Все равны. Все правы. Даже и более того: ни одна из позднейших исторических форм не опровергает предыдущие и не свергает кумиров. Бывают некрасивые, безвкусные, «не мои», неряшливые, наконец, убогие. Но все эти характеристики относятся к «оболочке», а не к ядру-смыслу-истине. Поэтому все марксистско-ленинское, так называемое «идеологическое облованивание» нас не раздражало, не злило, и уж, безусловно, никак не мешало осваивать ремесло. Просто еще одна историческая форма, еще один концепт, ценность которого в галерее предшественников и современников безусловна, но не абсолютна. Много позже я нашел подтверждение своим-несвоим (ибо, уверен, не только я один пришел к этому) выводам у Делеза и Гваттари: «Концепт всегда обладает той истиной, которую получает в зависимости от условий своего существования»¹; «Самое малое, что можно сказать о дискуссиях, это что они не продвигают дело вперед, так как собеседники никогда не говорят об одном и том же... Критиковать – значит просто констатировать, что старый концепт, погруженный в новую среду, исчезает, теряет свои составляющие или же приобретает другие, которые его преобразуют»²; «Историю философии можно сравнить с искусством портрета. Задача здесь – не “написать схоже”, то есть повторить ска-

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 40.

² Там же. С. 41.

занное философом, а создать сходство, одновременно показав учрежденный им план имманенции и сотворенные *им* новые концепты»¹.

Вошедшие в философический коридор сразу же попадали в объятия Веры Яковлевны Комаровой². Несмотря на то, что не одно поколение студентов философского факультета именно с ее лекций начинало осваивать азы профессии, все ее знали, все у нее учились, особой любовью она не пользовалась. Тем не менее, как я сейчас понимаю, она была просто идеальным «проводником в канон». Античность. От 7 мудрецов до эллинизма. Первые полгода – досократики. Разумеется, такое непропорциональное деление учебного времени может быть оспорено (Платону, Аристотелю и всем эллинистам вместе взятым также отводился лишь семестр) и даже показаться странным. Тем не менее, это оказалось более, чем полезным и продуктивным. Прежде всего потому, что ей удалось показать, «как работает философия» и как работают с философией. В самом деле. Что до нас дошло из текстов? Да ничего целиком. Только фрагменты, которые умещаются в одну не слишком толстую книгу. Поэтому изложение мыслей-идей-концептов философов всегда есть реконструкция и интерпретация. И хотя мнения авторов тех монографий по означенному периоду, в которые я тогда заглянул, в общем и целом находились в одном «интерпретаторском фарватере» (марксистско-ленинском), однако присутствовали и нюансы, которые, если иметь в виду малочисленность дошедшего до нас первичного материала, заметны и существенны. Даже если ты просто «пересказываешь книжку», т. е. стараешься следовать исключительно «мысли автора» и вроде бы от себя ничего не добавляешь, неких «сдвигов», коррекций, перекодировок, связанных с детерриторизацией, все равно не избежать. По наивности я додумал в коридорах Веру Яковлевну глупейшими вопросами типа: «А вот я прочитал у... Он считает, что в данном фрагменте... Общий смысл несколько иной по сравнению с тем, что Вы говорили на лекции и пр.» Если она была не в настроении – просто отмахивалась. Если же – благосклонна, то с жаром начинала доказывать свою правоту, цитируя наизусть те или иные фрагменты³. Это было не слишком убедительно. Но не потому, что она не умела отстаивать свою точку зрения или неловко-неряшливо пользовалась системой аргументации. О нет! Она была мастер и профи. Просто другие авторы

¹ Там же. С. 120.

² Для моих однокурсников ее лекция вообще была первой в стенах университета.

³ Кстати, это была подлинная мука, когда зимой на первом экзамене мы должны были знать наизусть ВСЕ тексты Гераклита, ну и примерно такой же объем из всех других.

приводили не менее значимые подтверждения, поиному выстраивали «линию защиты». Глупцом был я, полагая, что можно *наконец-то* сказать, отыскать, выразить, доискаться до того, *как оно есть на самом деле*. К концу семестра я наконец-то усвоил: правы все. Пока речь шла только об интерпретаторах-медиумах, т. е. вторичной исследовательской литературе, не о самих философах. И второй, очень важный момент. А именно: сам канон, или «интерпретаторский фарватер», та самая «магистральная линия», что определила и подбор самих концептов-философов, и «рассечение» их работ-высказываний-мыслей на отдельные сегменты-сюжеты («части» философской системы или разделы философии). Весь марксистско-ленинский «гарнир» изначально не мог выступать фундаментальным основанием выработки магистралей и отдельных кластеров. И потому, что сам, как одна из возможных систем, был сформирован и эволюционировал в уже до него существующих дисциплинарных канонических априори. Это нам было очевидно. Ну и потому, что подавляющее большинство авторов, фигурирующих в учебной программе, писали и говорили задолго до звонких деклараций К. Маркса, а потому к его мыслям, так же как и к мыслям его последователей, *никак* относиться не могли. Поэтому ко всем этим извинительным риторическим «реверансам» вроде «стихийного материализма» иначе, как с улыбкой, относиться нельзя. Разумеется, были не очень *удобные* времена и стилистики (например, средневековые), либо и вовсе *крамольные* с точки зрения «генеральной линии» (пласт религиозно-ориентированных течений и учений или, как индийская философия, вне религиозно-мистического аспекта не мыслимая в принципе). Но и они не были изгнаны из учебного цикла. Хотя и преподносились с соответствующими не слишком ространными разъяснительными оговорками, неспособными кого-либо ввести в заблуждение. И так – канон. Кроме чтения «научных монографий» (вторичной литературы) и без всяких указаний или рекомендаций я стал читать «Лекции по истории философии» Гегеля. И все стало на свои места. Будь-то марксистская, будь-то немарксистская история философии – это все равно гегелевский проект¹. Имена, группы, течения-направления, последовательность эпох, сквозные предметно-тематические сюжеты – от родоначальника. Если точнее – от его собственного взгляда, многократно им высказываемого. И надо сказать, что все последующие лекторы, за

¹ Даже такая абсолютно чуждая по субстрату-материалу, как индийская, при изложении безусловно европейски ориентированная, все равно остается гегелевской. См., напр.: *Радхакришнан С. Индийская философия*. Т. I–II. М., 1993.

редким исключением, придерживались в общем и целом этому повествовательному сценарию. С Верой Яковлевной спорить можно. Но вот опспорить Гегеля нет. Хотя это и не принуждает к повиновению и принуждению: Гегель не единственная абсолютная «субстанция».

Итак, канон, пусть даже и ретроактивно, был установлен, магистральная линия прочерчена. Насколько она адекватной была самим первичным речениям, принципиального значения не имеет. Уже и в античности с точки зрения *самого текста*, если взглянуть на него «незамысленным» историко-философским *видением* взглядом, едва ли многие тексты, внесенные в «платиновые списки», таковыми не являются, и пребывание их последнем двусмысленно. Например, большинство диалогов Платона¹ или «О природе вещей» Тита Лукреция Кара. То же самое можно сказать и о средневековой философии, которую нам читал Ю. Н. Солонин², и о философии эпохи Возрождения (К. А. Сергеев)³. Кроме того, что это, средневековье, было невероятно интересным (с большинством античных философов так или иначе мы и до В. Я. Комаровой были знакомы: если и не читали, то слыхивали, из активного «культурного обращения» за пределами философского факультета они были практически изъяты), оно было поучительным. Каким образом весь этот массив очень разнородных по пестовому, смысловому и вербально-дискурсивному текстовому субстрату, при всей экстравагантности и экстраординарности концептов, равно как и презентующего их, вполне логически укладывался в прокрустово ложе гегелевского сценария? Разумеется, уже Гегель их прекрасно препарировал, отсек или *верно* проинтерпретировал двусмысленное или *странное* (ну, что может быть страннее «О Граде Божьем» Августина Блаженного?) с точки зрения магистрального канона. Но и исполнитель – Ю. Н. Солонин – был великолепен. Особенно в лекциях,

¹ Показательно, что «Пир» Платона не единожды ставился на театральных подмостках и был экранизирован М. Феррери.

² Экстравагантным, можно даже сказать шоковым, было мое первое знакомство с человеком, который в последующем на протяжении двух десятилетий определял мою жизнь. Входит такой высоченный, интеллигентнейший, в рваных джинсах и таком же «странном» свитере, хотя и без кирзовых сапог, коими он многократно эпотажно щеголял, молодой красивый мужчина. Садится. Кладет на стол абсолютно непотребный портфель и начинает руками рыскать по всем своим карманам и вытряхивать содержимое – рваные помятые бумажки – портфеля на стол. Через какое-то время он изрекает тираду, которую я запомнил на всю жизнь: «Где же мои очки? Где же мои очки? Без очков я ни... не вижу!» Мы так его сразу полюбили. Средневековую философию – также.

³ Н. Кузанский – не в счет.

посвященных схоластике, прочитанных с упоением и восторгом¹. Лишь много позже я узнал, что и в студенчестве, и в аспирантстве он специализировался по кафедре логики, что многое в плане «ментальной дрессуры», которой мы подверглись благодаря ему, объясняет². Ему и, разумеется, средневековой философии.

Поэтому многое из последующего уже не вызывало каких-либо предметно-профессиональных проблем. Новое время, немецкая классика, вторая половина XIX века... Были эпохи-времена (для меня) скучные-нудные (например, Просвещение) ввиду их *слишком понятности*. Или мучительные, нанесшие интеллектуальные травмы, от которых до сего дня не оправился (например, немецкая классика в лице Е. С. Линькова)³. Но и с другой, так сказать, неортодоксальной версией эволюции философии я также познакомился в университете. Это русская философия (А. А. Ермичев), индийская, значившаяся в расписании как древнеиндийская (В. И. Рудой), и древнекитайская (Е. А. Торчинов). Так что к освоениям «маргиналов» XX века я также был вполне подготовлен⁴.

¹ Этот курс он читал до середины десятых годов уже нашего века. Так что нынешние если не аспиранты, то докторанты прошли через его руки.

² Если же вспомнить еще о годе его пребывания, до университетской скамьи, в военном училище, то его, при внешней рассеянности или спонтанности, порой кокетливой капризности, предельная выверенность, стойкость, дисциплинированность шагов и действий уже не удивляют.

³ Без содрогания не могу вспоминать 4 курса, когда за один (ОДИН!) год мы должны были прочитать, законспектировать и усвоить, кроме того, что говорилось на лекциях, все три «Критики» Канта, «Энциклопедию философских наук» Гегеля, не говоря уже о всяких там *мелких* (по объему, не по значимости) шеллингов, фихте и фейербахов. У моих однокурсников, за очень небольшим исключением (перед коими я и тогда и сейчас «снямаю шляпу», например, перед В. Камневым, ныне директором издательства «Наука»), остался такой же осадок. Любви мне к этому периоду не прибавило и вторичное обращение к этому материалу, когда за один день аспирантам физикам и математикам в Петергофе мне пришлось 6 часов говорить о Гегеле и столько же о Канте.

⁴ Но об этом – в другой раз.